

IX

Религиозно-политическая реакция, воцарившаяся к концу XVII века во Франции, ознаменовала начало деградации французского абсолютизма. Разрыв его временного союза с буржуазией привел к перерождению французской национальной монархии в монархию дворянско-клерикальную. Гнет ее сословных и католических установлений поставил перед философской мыслью XVIII века вопрос о влиянии на человека общественного устройства, о зависимости человеческой судьбы от государственного, политического строя. Это существенным образом изменило понятие естественного человека и внесло новое в нормы и критерии материалистической морали. Мораль Гельвеция, Вольтера и других просветителей в своей основе так же эгоистична, как мораль Гоббса и Гассенди. Но теперь естественный человек в противоположность индивидуалистическому и аморальному человеку Гоббса признается существом от природы общественным и добродетельным. Полезное обществу полезно и каждому человеку. Частное благо зависит от блага общественного. Отсюда критерий этической оценки перемещается из сферы частных «выгод» в сферу общественной пользы.

Все это находит свое выражение в дальнейшей судьбе классицистического искусства и прежде всего в драматургическом творчестве Вольтера.

Преклоняясь перед «величием» Корнеля, «правдивостью» Расина и Мольера и «вкусом» Буало, сохраняя в основном всю формальную структуру классицистической трагедии XVII века и широко используя разработанную ею «механику страстей», Вольтер обновляет самую проблематику классицистической трагедии. Объективное изображение естественной природы человека, демонстрация пагубного для человека действия его страстей сменяется у Вольтера обличением общественных пороков и заблуждений, топчущих и насилующих естественные человеческие чувства и стремления. Тем самым трагический конфликт выносится уже за пределы человеческой природы. Его образует уже не борьба этически равноценных естественных страстей, а борьба этих страстей с внешним злом — с деспотическим насилием и общественным заблуждением. Отсюда — борьба самого Вольтера за безлюбивую трагедию, основным предметом изображения которой должно быть пагубное действие общественных заблуждений на судьбы людей. Считая последнюю трагедию Расина «Гофолию» непревзойденным образцом, постоянно ссылаясь на нее как на гениальный пример безлюбивой трагедии, Вольтер начал с того, чем кончил Расин.